

Недовольство языком: культурная диверсификация или диверсия?

В предыдущей публикации, анализируя связи между 2 и 3 сегментами структурно-онтологической матрицы (рис. 5, [1]) мы сформулировали предположение, которое обозначили как – *недовольство языком*. Напомним, что суть этой гипотезы в отчуждении эго-сознания от цивилизационной *кооперации* (Щедровицкий), что обусловлено развитием в процессе индивидуации *рефлексии-расщепления*. Также напомним, что психологическим механизмом кооперации является *рефлексия-связь*, а инструментом – язык. Недовольство последним, собственно, является симптомом структурного конфликта между двумя рефлексиями [2].

Особый драматизм данного конфликта заключается в том, что язык оказывается между молотом и наковальней двух психодинамических факторов, морфология которых им же (языком) и сформирована. Весьма огрубляя, можно сказать – происходит борьба против языка и с помощью языка. Ситуация осложняется еще и невозможностью де-лингвизации личности без ее психологической аннигиляции. Редукция структуры психики к уровню где бы функционировала только какая-то одна из рефлексий эквивалентна возникновению тяжелых морбидных состояний (либо тотальная регрессия или полный отрыв от цивилизационной онтологии). И наконец, развитие психической организации личности на качественно новый уровень, где конфликтующие факторы были бы качественно «примирены», на наш взгляд, лежит в плоскости метафизических спекуляций. Как видим, природа рассматриваемого конфликта – принципиально контрпродуктивна.

Другими словами, возникающая ситуация невозможности создает напряжение без созидающего (структурообразующего) вектора, что оставляет доступным единственное направление разрядки напряжения – отреагирование (в культурную деятельность). При этом важно учитывать, что наряду с недовольством языком в данном «выхлопе» содержится «искупительная

мотивация» (Юнг). То есть конфликт рефлексий купируется, простите за вынужденную тавтологию, по конфликтному сценарию. А именно, в едином мотивационном побуждении культурной деятельности присутствует агрессия фрустрационного происхождения, негативная ценность языка и чувство вины перед цивилизацией.

Возвращаясь к тезису о противодействии языку с помощью языка, зададимся вопросом – как такое возможно в практической плоскости? На наш взгляд, наиболее простой и распространенный вариант – с помощью механизма *неологизации*. Здесь термин подразумевает не столько введение в язык принципиально новых грамматических единиц, что является «верхушкой айсберга» неологизации, понимаемой в лингвистическом ключе. Мы данный термин понимаем в контексте психологической защиты, динамический смысл которой – снятие напряжения от невозможности бытия и реализация побуждения с описанной выше мотивационной семантикой. Такая защита реализует себя посредством разнообразных психолингвистических механизмов мультиплицирования единиц языка *per se*, проявляющем себя в целом спектре грамматических феноменов – синонимия, антонимия, омонимия, полисемия и т.д.

На наш взгляд, указанные механизмы не являются специфическими по отношению к недовольству языком. Вероятно, они возникают в процессе эволюционного развития языка и выполняют функцию расширения языковых форм, необходимых для адекватного описания многогранной действительности (как внешней, так и внутренней). Однако, эти механизмы используются в качестве каналов сброса напряжения, вызываемого недовольством языком. Это приводит к очевидной «избыточности» языкового инструментария, с точки зрения адаптации человека не только в узком биологическом, но и в широком социальном (в наших терминах – цивилизационном) смыслах.

Так, индивидуированные личности часто, во-первых, не могут не только выразить свои переживания языковыми средствами, но и «уместить» себя в язык в когнитивном плане, при осмыслении вопросов широкого тематического спектра: от повседневно-бытовых до профессионально-творческих. Это обуславливает у указанной категории людей стремление к повышению уровня, так называемой, вербальной культуры родных языков и часто мотивирует изучать иностранные. По нашим наблюдениям, у лиц адаптивно переживающих кризис середины жизни, недовольство языком проявляется в условно мягкой форме, которую нам кажется приемлемым назвать – *недовольство недостаточностью языка*. Во-вторых, индивидуация сопровождается буквальной неологизацией языка, реализуемой привнесением новых слов-понятий в рамках осуществляемых культурных деятельностей. Разумеется, такие привнесения отражаются как на формальных, так и содержательных характеристиках этих деятельностей. Раскрытие соответствующих подробностей требует подробного отдельного изложения, на котором мы здесь не останавливаемся. Отметим лишь, что указанные деятельности инициируются и осуществляются с субъективным переживанием долженствования привнесения «полезной новизны»¹.

Подобным образом недовольство языком «проникает» в культуру и через метафоризацию, которую мы также понимаем в русле психологической защиты, одновременно оставаясь при этом на орбите классического Аристотелевского взгляда на «искусство, как подражание жизни». Если неологизация предполагает работу защиты на уровне *слова-понятия*, то метафоризация относится к уровню – *сюжет-дискурс*. Собственно, наши наблюдения красноречиво свидетельствуют в пользу того, что в процессе индивидуации, личность преимущественно, *подражает подражанию жизни*.

¹ Эти и другие констатирующие утверждения здесь и в дальнейших публикациях рубрики «Структурная онтология познания с доктором Шимко», касающиеся феномена «недовольства языком» – опираются на обобщения многолетних авторских экспериментально-психологических наблюдений процесса индивидуации (выборка на август 2019 года – 314 украино-, русско-, англоязычных респондентов) на основе изучения продуктов речи и герменевтического анализа манифестаций бессознательной психики.

Данный вопрос утрачивает всякий дискуссионный оттенок, если вспомнить «стену языка» Лакана, по ту сторону которой находится не символизируемое языком *Реальное*, доступное лишь в сновидении и в психозе. Подражание подражанию хорошо заметно в повторяемости сюжетов и дискурсов в любых продуктах речевой деятельности – от спонтанных речевых высказываний до литературной классики. Лакан объяснял это, как проявление естественной ограниченности языка, утверждая при этом существование всего лишь четырех дискурсов, три из которых являются подвидом одного. У Юнга находим более оптимистично сформулированный взгляд о теоретическом существовании такого количества архетипов (а значит – сюжетов), сколько есть жизненных ситуаций. Однако, все архетипы также берут начало в одной точке (Самость), из сингулярности которой появляются неподражаемые Эрос и Логос, а все остальные архетипы – могут быть редуцированы к указанной троице. «Морфология волшебной сказки» Проппа не оставляет места для серьезных сомнений в данном вопросе и позволяет сохранить вежливость, избегая дальнейшего перечисления плеяды замечательных ученых, чьи выводы – аналогичны.

Неологизация и метафоризация – в описанном нами понимании, как проявления недовольства языком – приводит к существенной диверсификации онтологии культуры. При этом культура всегда гетеростатична и, тем самым, выступает диверсией, нарушающей гомеостазис цивилизации. Почему у последней нет иммунитета от такого влияния? Этот и некоторые другие завершающие вопросы структурно-онтологического анализа социализации личности, рассмотрим в следующий раз.

Ссылки:

1. Шимко, Виталий. (2019, June 4). Межсегментные связи: индивидуация и недовольство языком. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.3238315>
2. Шимко, Виталий. (2019, March 24). Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2604703>

Идентификатор публикации: DOI 10.5281/zenodo.3367266